

ПОСЛЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Савчук В. В. **Медиафилософия: Приступ реальности.**
СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 350 с.

**Балла-Гертман
Ольга Анатольевна**
заведующая
отделом философии и
культурологии журнала
«Знание-Сила»
(г. Москва)
e-mail: gertman@inbox.ru

Как известно всякому, кто хоть сколько-нибудь, извне или изнутри, наблюдал за рождением идей и теорий, они порождаются не только и не столько умозрительными соображениями, сколько особого рода беспокойством, которое можно назвать беспокойством теоретическим. Книга Валерия Савчука, систематизирующая положения новой интеллектуальной области — «медиафилософии», вызвана к жизни беспокойством, даже более глубоким, чем теоретическое. Это — беспокойство общекультурное, в конечном счёте — онтологическое, с которым надлежит справляться культурными средствами, притом что, чувствуется, прежние не годятся. Чувство нарушенности общекультурных равновесий, смещённости общекультурной динамики. Неспроста первые слова в книге не какие-нибудь, а, так сказать, эмоционально-диагностические: «Старый мир бьётся в конвульсиях, их приступы случаются всё чаще и чаще. Они становятся докучливой обыденностью, а бывшая норма существования — исключением». По существу, это утверждение о дезориентированности, о том, что работавшие доселе ориентиры работать перестали.

Значит, надо вырабатывать новую норму и рефлексировать сами условия её выработки.

Проект медиафилософии, предлагаемый Савчуком, сводимый им в книге в некоторую скорее первоначальную, чем итоговую систему, — это проект выработки нового представления о норме (культурного существования или вообще — человеческой ситуации в мире); проект обретения, таким образом, если не равновесия, то хотя бы некоторой уравновешенности. Прежде всего, теоре-

тической, потому что соратники Савчука по проекту намерены работать (собственно, и работают уже не первый год) исключительно в рамках философии.

Просто это будет — или уже есть — философия некоторого нового типа.

Книгу вполне можно рассматривать как заявку не просто на создание очередного концептуального пласта, хотя и это тоже, но принципиально нового теоретического подхода к реальности, сопоставимого, например, с возникновением метафизики, — новой умственной оптики (недаром одно из ключевых понятий книги — «медиаповорот»). По большому счёту — едва ли не на переструктурирование всего поля ныне действующей мысли, поскольку медиафилософия по замыслу — новый принцип организации всего этого поля. Медиафилософия — не только и не столько система положений (это — уже следствие), сколько угол зрения на весь — в пределе — уже наработанный человечеством массив идей.

В каком-то смысле, перед нами — теоретическая утопия. Впрочем, у такой утопии, у самого типа подобного теоретического утопизма есть серьёзные традиции: историю развития современной мысли можно представить как серию «поворотов», переключений, так сказать, концептуальных гештальтов. Автор её, собственно, так и представляет, открывая книгу анализом основных поворотов современной мысли («их число растёт»): онтологического, лингвистического, иконического... Пуще того, «в набирающей скорости истории XXI в., — утверждает Савчук, — повороты появляются всё чаще и чаще»: «на рынок концептов почти в одночасье выброшены антропологический, теологический, перформативный, постмодернистский, пространственный, прагматический, риторический, телесный, топографический, содержательно-эстетический повороты, каждый из которых на свой лад хочет дать ответ на вопрос, что есть всё <...>».

Эту цепь замыкает — как по крайней мере видится автору сейчас — поворот медиальный.

Сам по себе «медиальный поворот» — не изобретение автора. Это уже довольно давняя реальность западной мысли: «после череды важнейших для XX и начала XXI в. поворотов всё настоятельнее слышны голоса, — пишет Савчук, — признать суммирующим и одновременно фундаментальным медиальный поворот (Medial Turn)».

За ним, однако, уже следует то, что «после поворотов» (так называется последняя подглавка перед тем, как автор перейдёт к разговору о «Медиа — реальности всех».) То есть одновременно с идеей медиального поворота, в глубокой связи с ней, предлагается выход за пределы дурной бесконечности «поворотов» и самого принципа «поворотов» как способа построения интеллектуальной истории.

«Медиальный поворот» — лишь по видимости ответ на сакраментальный вопрос, «что есть всё» (то, что «всё есть медиа», он тоже провозглашает, но здесь дело в самом устройстве второй части этого уравнения, в его природе, о чём мы ещё скажем ниже). На самом деле здесь предлагается не изыскать у всего сущего общий принцип, но взглянуть на это сущее с новой точки зрения.

Медиафилософия — это, говорится в первой главе книги, такая философия, предмет которой — «реальность, сформированная новыми медиа».

Однако по мере дальнейшего чтения становится ясно, что речь идёт отнюдь не о «новых», недавно возникших медиа («цифровых, сетевых, экран-

ных, интерактивных»...). Дело здесь вообще не в новизне и даже не в тех избыточных объёмах информации, которые не устают доставлять современному человеку его медиа, расшатывая тем самым его образ реальности, хотя об этом автор говорит много. Речь идёт — в точном соответствии со значением слова «медиа» — о феномене посредничества вообще: между человеком и тем, что становится предметом его опыта. Об открытии того, что реальность человека в принципе сформирована медиа — явлениями-посредниками, и не только новыми, но и старыми, и вообще изначальными (вроде, скажем, структуры глаза). Что до новейших медиа, их заслуга лишь в том, что внимание к самому феномену посредничества спровоцировали именно они.

Суть онтологического беспокойства, которое потребовало создания медиа-философии, — открытие (или изобретение?) невозможности непосредственных взаимоотношений человека с миром и (даже) с самим собой. Неустранимой опосредованности всех отношений человека к чему бы то ни было — не самого ли существования? — как его, человека, фундаментальной характеристики. (В каком-то смысле это можно назвать «теоретической клаустрофобией»: человек обнаружил себя внутри стен, за которые ему, предположительно, не проникнуть. Вернее, он обнаружил эти стены внутри себя, как собственное неотъемлемое свойство, — автор не раз подчёркивает, что «медиа внутри нас».) Предвестием этого открытия был уже языковой поворот, обнаруживший формирующую власть языка в каждой точке человеческого существования. При более пристальном рассмотрении выяснилось, что язык — всего лишь частный случай медиа, один из их наиболее «проработанных» и осознанных случаев — поэтому, как замечает цитируемый автором немецкий теоретик Дитер Мерш, «кульминацией всех теорий медиа является рассмотрение языка».

«Медиа» — термин-переросток. Обозначавшее ещё в устах родоначальника медиарефлексии Маршалла Маклюэна «средство коммуникации» во вполне узком и конкретном смысле (именно этим словом маклюэновское «медиа» у нас и переводили), или, как говаривал в таких случаях Питирим Сорокин, «проводник», слово довольно скоро разрослось далеко за первоначальные пределы — едва ли не необозримо далеко.

Автор дерзает начать разговор с самого уязвимого — оно же и центральное — места своего теоретического построения: с того, что «в общем виде медиа — понятие с неопределёнными границами». Более того, это понятие — на котором предполагается строить целую философию — «являет собой “слепое пятно” философского дискурса» (это тоже не его открытие, тут он многократно ссылается на своих предшественников по медиафилософской рефлексии: трудноопределимость медиа, пишет Савчук, «часто подчёркивается исследователями»). Впрочем, сам он идёт ещё дальше предшественников: обращает внимание на то, что «таким же “слепым пятном” являются не только социальные и культурные эпифеномены, порождаемые медиа, но и» — если уж мы концентрируемся на технических «посредниках» — «оборотная техническая сторона: их устройства, принцип функционирования, программное обеспечение». И ещё того более: ко всем неопределённостям и слепотам добавляется, усугубляя их, множественность «историко-философских версий категории “реальность”».

Такую ситуацию есть соблазн назвать прямо-таки теоретическим скандалом: основа, на которой предполагается строить философскую рефлексию, буквально уплывает из-под-ног, не держит собственных очертаний. На мой взгляд, здесь — в лице этой самовластности коренного термина — мы имеем дело с чем-то чрезвычайно симптоматичным. Возможно, интуиции подталкивают участников медиафилософского разговора к пониманию того, что «медиа» — это вообще не явление, способное быть чётко очерченным — потому и выскальзывает так упорно из всякого частного определения, — но угол зрения. Попытка привязать термин к типу явлений или предметов только сужает видение — вплоть до направления его на неверный путь.

Интересно, что сам автор предпочитает концентрироваться по преимуществу на «предметно» понятых медиа — новейших, технических. Именно поэтому он называет, в частности, «одним из важнейших вопросов медиафилософии» вопрос, по существу, практический, прикладной, утилитарный: «как можно сопротивляться потреблению информации, которая ежедневно искушает повышением градуса сенсации, скорости предъявления события, катастроф и ужасов?»

Задача, безусловно, актуальная. Беда лишь в том, что здесь вопрос, «как устроен мир», очередной раз рискует обернуться вопросом о том, что человеку делать с самим собой и как ему справляться с им же самим созданной реальностью. Но ведь на самом деле вопрос куда шире — и гораздо более широким может быть ответ на него. Таким ответом способен быть сам ново-создаваемый тип философской работы.

То, что автор это понимает, видно из последней главы книги — «Практики медиафилософского анализа». Здесь нам представлены примеры рефлексии разных форм опосредования между человеком и миром: от жертвы как культурной практики, через компьютерные и сетевые игры, до забора — практики огораживания участков территории. («Он теснейшим образом связан с оппозициями культуры и природы, сакрального и профанного, центра и периферии, внутреннего и внешнего, естественного и искусственного, но он также связан со рвом, жертвой, раной, сообщением.»)

Итак, получается, что медиафилософия — выявление структур опосредованности восприятия и опыта, прояснение её природы, множественной, как само бытие. Понимание того, какими способами культура вырастает в природу и видоизменяет её, не переставая быть её продолжением. (Берясь судить об этом прямо, автор категоричен до прямолинейности: «воспитание — обман природы; оно есть техника насилия и уловка формообразования». Анализируя конкретные культурные формы, он судит гораздо объёмнее.)

Любопытно, что именно такой программы Савчук не формулирует, хотя всё, что он говорит, настойчиво к этой формулировке подводит. Вообще-то сам автор не устаёт повторять, что медиафилософия занимается именно реальностью — той, что произведена «совокупностью медиа». Но как говорить о реальности, если между нею «как таковой» и человеком неизменно что-то стоит? Как не спутать — если вообще возможно не спутать — реальность и посредника, реальность и её образ? Если это возможно, то вряд ли иначе, чем через интенсивную рефлексию опосредованности, всех её мыслимых форм.

Если это так — у медиафилософии может быть большое будущее.